

Волгоградский государственный университет

Портфолио аспиранта

Змиевская Анастасия Александровна

1988 года рождения

Окончила Волгоградский государственный университет в 2010 году
Направление подготовки: 030300.65 Психология
Профиль: 19.00.05. Социальная психология
Присвоенная квалификация: Психолог. Преподаватель психологии.

Поступила в аспирантуру ВолГУ в 2014 году
Направление подготовки: 37.06.01 Психология
Профиль: 19.00.05. Социальная психология



ДИПЛОМ ЯВЛЯЕТСЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОКУМЕНТОМ
О ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Регистрационный номер ПС-005 30 июня 2010 г.



РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Волгоград

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный университет»

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

ВСА 0738317

Решением

Государственной аттестационной комиссии

от 22 июня 2010 года

Знаеской
Анастасии Александровне

ПРИСУЖАЕНА
КВАЛИФИКАЦИЯ

ПСИХОЛОГ.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИИ

по специальности
«Психология»



PS

AS

Министерство образования и науки РФ
 ГОУ ВПО «ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 2774

Выдано Змиевской Анастасии Александровне

в том, что он(а) сдал(а) кандидатские экзамены по специальности 19.00.05 – социальная психология и получил(а) следующие оценки:

N п. п.	Наименование дисциплин	Оценка и дата сдачи экзаменов	Фамилия, имя, отчество, ученые степени, звания и должности членов экзаменационной комиссии
1.	История и философия науки (психологические науки)	Отлично 18.05.2011 г.	Тараканов В.В. - д-р экон. наук, доц., проректор (предс.), Токарева С.Б. - д-р филос. наук, доц., проф. каф. философии, (уд. № 1306а9027), Тельнова Н.А. - д-р филос. наук, проф., проф. каф. философии, (уд № 2639), Калашникова Н.А. - канд. филос.наук, доц. каф. философии, Чернов А.Ю. – канд. пед. наук, доц., зав. каф. психологии
2.	Иностранный язык (английский)	Отлично 26.05.2011 г.	Калинина А.Э. - д-р экон. наук, проф., проректор (предс.), Астафурова Т.Н. – д-р пед. наук, проф., зав. каф. профессиональной иноязычной коммуникации, Сытина Н.А. — канд. филол. наук, доц., доц. каф. профессиональной иноязычной коммуникации, Куканова Е.В. – канд. филол. наук, ст. преп. каф. профессиональной иноязычной коммуникации, Чернов А.Ю. – канд. пед. наук, доц., зав. каф. психологии

Выдано на основании подлинных протоколов, хранящихся в архиве университета по месту сдачи экзаменов

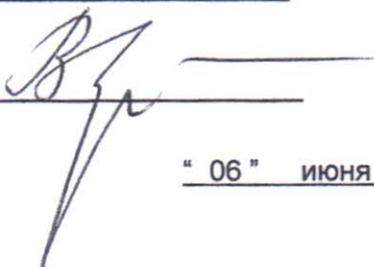
Проректор по НРИ

Зав. отделом аспирантуры
и докторантуры





А.Э. Калинина



В.Л. Сидорова

“ 06 ” июня 2011 г.

Обоснование темы кандидатской диссертации

«Рождение ребёнка как нормативное событие жизненного пути»

Специальность: 19.00.05. Социальная психология

Исполнитель: аспирант очной формы обучения, Змиевская Анастасия Александровна

Научный руководитель: доктор психологических наук, доцент, Чернов Александр Юрьевич.

В современной психологии категория «жизненный путь» получила достаточно широкое распространение. Являясь сложным многоаспектным феноменом, жизненный путь рассматривается с различных точек зрения: в контексте времени жизни личности (К.А.Абульханова-Славская, А.А.Бочавер, Е.И.Головаха, В.И.Ковалев, Б.Уриен), как особая характеристика возрастного развития (Р.Гулд, Д.Левинсон, Д.МакАдамс, Р.Хэвигхерст), с позиции анализа жизненных событий (Р.А.Ахмеров, А.А.Кроник, Н.А.Логинова, В.В.Нуркова, Р.Рейх, Х.РизТ.Холмс).

Одним из принципиальных вопросов теории жизненного пути является анализ закономерностей времени наступления определенных жизненных событий и их последовательности, которые обуславливают нормативные характеристики жизненного пути. Подобные нормативные представления о типичном жизненном пути представлены в культурном жизненном сценарии. «Обязательным» (нормативным) событием жизненного пути является рождение ребёнка. Также, как и остальные, это событие имеет «желательные» временные рамки. Нам представляется актуальным исследование места рождения ребёнка в структуре жизненного пути, а также восприятие жизненного пути женщинами, родившими ребёнка в разные периоды жизни (вовремя, рано, поздно). Анализ литературы по данной проблематике показал отсутствие соответствующих исследований, что обуславливает актуальность работы.

Объект исследования – жизненный путь личности. Предмет исследования – рождение ребёнка в структуре жизненного пути личности.

Задачи исследования:

1. Теоретический анализ феномена жизненного пути;
2. Теоретический анализ исследований культурного жизненного сценария;
3. Теоретический анализ темпоральных особенностей рождения ребёнка в структуре жизненного пути;
4. Эмпирическое исследование рождения ребёнка в структуре жизненного пути.
5. Разработка практических рекомендаций для социально-психологических служб по проблеме подготовки матерей к рождению ребёнка; по проблеме профилактики абортов.

Методы исследования: теоретический анализ литературы, методы качественного исследования (полуструктурированное интервью, биографический метод, каузометрия), методы количественного сбора данных (опрос, анкетирование, тестирование), методы математической статистики.

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что впервые рождение ребёнка рассматривается с точки зрения психологии жизненного пути и его темпоральных характеристик. Практическая значимость заключается в разработке прикладных рекомендаций профилактики абортов и программы по психологической подготовке матерей к рождению ребёнка.

Научный руководитель



А.Ю. Чернов

И.о. зав. кафедры психологии



С.А. Кривашеев



УДК 159.9.01
ББК 88.3

ВРЕМЕННЫЕ И СОБЫТИЙНЫЕ НОРМЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ: TIMING¹

Курышева Ольга Васильевна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Волгоградского государственного университета
o.kurysheva@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Змиевская Анастасия Александровна

Педагог-психолог МОУ «Детский сад № 368»
nastyia-psycholog@mail.ru
ул. Быстрова, 56, 400059 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ временных и событийных норм жизненного пути в контексте зарубежного подхода, получившего название «тайминг». Тайминг включает в себя нормативные характеристики времени наступления ключевых жизненных событий, а также их содержание и порядок реализации на разных этапах жизненного пути. Доказывается, что следование нормативным жизненным расписаниям играет важную роль в построении субъективной картины жизненного пути и влияет на социальное самочувствие и удовлетворенность жизнью. Анализируются современные трансформации нормативных характеристик жизненного пути, присущие постмодернистскому обществу – размывание нормативных траекторий, вариативный характер жизненных расписаний, дестандартизация жизненного пути. Рассматривается феномен индивидуализации жизненного пути.

Ключевые слова: жизненный путь, возрастные нормы, тайминг, жизненные расписания, социальные часы, индивидуализация жизненного пути.

В современной психологии категория «жизненный путь» получила достаточно широкое распространение. Являясь сложным многоаспектным феноменом, жизненный путь рассматривается с различных точек зрения: в контексте времени жизни личности (К.А. Абульханова-Славская, А.А. Бочавер, Е.И. Головаха, В.И. Ковалев, Б.Уриен), как особая характеристика возрастного развития (Р. Гулд, Д. Левинсон, Д. МакАдамс, Р. Хэвигхерст), с позиции анализа жизненных событий (Р.А. Ахмеров, А.А. Кроник, Н.А. Логинова, В.В. Нуркова, Р. Рейх, Х. Риз Т. Холмс).

В контексте проблематики жизненного пути представлены такие ключевые категории, как «переживание» (С.Л. Рубинштейн), «психологическое время» (К.А. Абульханова, Т.Н. Березина), «биография» (Н.Н. Логинова), «трансформация» (J. Elder) и многие другие.

Говоря о различиях в понимании жизненного пути зарубежной и отечественной психологией, можно отметить, что в зарубежной психологии жизненный путь, как правило, понимается как определенная последовательность событий и ролевых изменений («transitions»),

которые происходят с человеком от его рождения до смерти (J. Elder, H. Pallas). Такой подход преимущественно сопряжен с количественными исследовательскими стратегиями. Отечественные авторы в большей степени акцентируют внимание на вопросах, связанных с качественными методами исследования. Например, это анализ субъективной картины жизненного пути (Б.Г. Ананьев, К. Левин, Ж. Нюттен, С.Л. Рубинштейн, Х. Томэ, Л. Франк), представление индивида о своем прошлом и будущем (А.А. Бочавер, В.В. Нуркова, Л.А. Регуш), поиск причинно-следственных связей между событиями жизненного пути (Е.И. Головаха, А.А. Кроник).

Одним из принципиальных вопросов теории жизненного пути является анализ закономерностей времени наступления определенных жизненных событий и их последовательности, которые обуславливают нормативные характеристики жизненного пути. В большей мере эта идея реализована в зарубежной психологии в рамках направления, получившего название «тайминг» (timing) – от английского слова «time» – время. В основе теории тайминга лежит утверждение, что одни и те же жизненные события могут оказывать совершенно разное влияние на жизнь человека в зависимости от того, в какое время они произошли [7; 12; 13].

Например, установлено, что раннее вступление во взрослую жизнь – уход из родительского дома, вступление в брак и рождение ребенка в раннем возрасте оказывает негативное влияние на психическое здоровье человека. Дж. Элдер доказывает, что военнослужащие, поступившие на военную службу в молодом возрасте, демонстрируют в старших возрастах высокий уровень психологической устойчивости. Более того, ранний опыт лидерства и приобретение различных навыков со временем делает их более успешными. Напротив, военные, поступившие на службу в зрелом возрасте, имеют повышенный риск психологического срыва, поскольку не могут извлечь достаточного количества выгод из опыта службы [6].

По мнению Х. Глен и Дж. Элдер, тайминг является одним из ключевых вопросов теории жизненного пути. Авторы считают, что жизненный путь необходимо изучать целост-

но и контекстуально. Важнейшими параметрами в этом случае должны выступать социокультурная, историческая среда, в которой разворачивается жизненный путь личности, взаимосвязь с жизненными путями значимых других, личная ответственность за выбор и планирование своего жизненного пути, а также время наступления жизненных событий и изменений их порядка на протяжении жизненного пути (тайминг) [6].

Таким образом, тайминг включает в себя нормативные характеристики времени наступления ключевых жизненных событий, а также их содержание и порядок реализации на разных этапах жизненного пути. Эти характеристики связаны с социокультурным и историческим своеобразием конкретной эпохи, в которой протекает жизненный путь. Они отражают те традиционные и новаторские тенденции, которые характерны для конкретной социокультурной ситуации. В связи с этим чаще всего они рассматриваются в контексте возрастных норм и ожиданий, отражающих типичные для данной социокультурной ситуации временные рамки наступления значимых событий, их содержание и последовательность реализации.

Первые научные исследования возрастных норм и ожиданий представлены в работах Б. Ньюгартен. Автор отмечает, что любой взрослый человек имеет определенные ожидания относительно жизненного пути: какие события и в какие сроки должны происходить. Жизненные события, происходящие «вовремя», не вызывают жизненного кризиса. Однако при несвоевременном наступлении события, ожидания относительно «правильного» ритма жизни не сбываются. Ранняя потеря родителя, поздний брак, раннее рождение ребенка, серьезная болезнь в ранней взрослости – все это приводит к тому, что традиционное расписание жизни рушится. Вызывая социальные и психологические проблемы. Косвенным подтверждением этого является то, что в речи есть устойчивые фразы наподобие «он уже в том возрасте, когда пора...» или, наоборот, «в ее годы уже слишком поздно...» [12].

Все эти факты говорят о том, что существуют некие «социальные часы», которые являются мерилем своевременности возникновения того или иного жизненного события.

Например, В. Голдберг, рассматривая с точки зрения теории социальных часов проблему отцовства, подчеркивает, что время рождения ребенка существенно влияет на различные параметры жизни мужчины, в том числе удовлетворенность жизнью, отношения с ребенком, собственный образ отца и в целом адаптацию к отцовству [8].

Н. Шлоссберг отмечает, что соответствие жизненных событий социальным часам дает человеку ощущение устойчивости и спокойствия. В случае если события нашей жизни случаются вовремя, мы чувствуем, что все в порядке. Однако как только что-то идет не по плану, мы начинаем беспокоиться. Причину этого дискомфорта автор видит в жесткости и излишней нормативности социальных часов [16].

Похожие идеи высказаны в работах В.Н. Кузьминых. Автор отмечает, что «сегодня целостная и единая социальная идентичность, сформированная в детстве и структурирующая ценностную иерархию на всю последующую жизнь, из базовой опоры самости превращается в обузу, мешая «гибкости», необходимой для выживания в современном обществе» [4, с. 40].

Р. Сеттерстейн и Дж. Хейгестада обнаружили, что, по мнению людей, каждое жизненное событие имеет «дедлайн» – крайний срок, возраст, когда оно обязательно должно произойти. Ими были установлены основные жизненные события, для которых крайний срок наступления имеет особое значение. Что касается гендерных различий, то они оказались в пределах статистической погрешности. Среди основных жизненных событий были перечислены такие, как уход из родительского дома (оптимальным возрастом для этого женщины назвали 22 года, мужчины – 21 год); брак (женщины – 26 лет, мужчины – 28); рождение первого ребенка (женщины – 28 лет, мужчины – 29); окончание заботы о ребенке, выпуск его из «семейного гнезда» (женщины – 39 лет, мужчины – 41 год); появление внуков (женщины – 51, мужчины – 52 года).

Исследователи также обнаружили, что, несмотря на осознание возрастных норм в рамках прохождения важных жизненных событий, респонденты не видели ничего негативного в нарушении «дедлайнов». По всей

видимости, заключают авторы, это происходит в связи с отсутствием каких-либо санкций за нарушение сроков наступления событий, а также в гибкости самих жизненных расписаний. Таким образом, Р. Сеттерстейн и Дж. Хейгестада приходят к выводу, что хотя культурные расписания и возрастные нормы могут быть важной силой, структурирующей жизненный путь, их влияние может оказаться вторичным. Возможно, индивидуальные жизненные расписания являются куда более гибкими, чем принято думать [11].

Несмотря на то, что существование «социальных часов» как субъективных репрезентаций нормативного времени наступления жизненных событий было доказано в широком круге исследований, эта проблема до сих пор не имеет однозначного решения. Исследователями были получены противоречивые данные относительно влияния этого феномена на реальную траекторию жизненного пути человека. Так, например, К. Рук, Р. Каталано и Д. Дулей исследовали влияние рассогласования с социальными часами сроков реализации значимых жизненных событий. В результате было установлено, что социальные часы не играют в этом процессе никакой роли [15].

Тем не менее, происходит ли определенное жизненное событие в соответствии с нормативным временем или нет, каковы реальные сроки реализации жизненного события и насколько они отклоняются от нормативных временных параметров – все эти факторы играют важную роль в построении субъективной картины жизненного пути и в целом влияют на удовлетворенность жизнью.

Еще одним важным вопросом в теории тайминга является анализ нормативной последовательности жизненных событий. Многие авторы отмечают, что порядок наступления ключевых жизненных событий является одним из важных нормативных показателей траектории жизненного пути. Соответствие этому событийному регламенту способствует повышению уверенности и удовлетворения от жизни, тогда как резкое отклонение от него может приносить разочарование и отчуждение.

Изучение нормативного расписания жизненных событий является предметом многих исследований. Так, при изучении перехода к взрослой жизни среди мужчин, рожденных в

период и 1907 по 1952, П. Джексон было обнаружено, что 46 % респондентов сначала закончили обучение, затем начали работать и уже после этого вступили в брак. Именно в такой последовательности располагались эти три основных события, характеризующие переход ко взрослости. Автор назвал такую последовательность «нормативной» для американского общества и сфокусировал свое внимание на групповых различиях, в частности, расовых вариациях прохождения жизненного пути. Так, было установлено, что белокожие мужчины чаще, чем афроамериканцы и испанцы, сначала заканчивали обучение, далее находили работу и только потом женились. Испанцы чаще, чем представители других групп, сначала выходили на работу, а затем получали образование или же получали образование, женились и уже после этого выходили на работу (такая последовательность событий была обозначена как средне-ненормативная). Афроамериканские мужчины чаще других женились в процессе обучения в школе, что обозначено как экстремально ненормативная последовательность событий [9].

Таким образом, существующие исследования доказывают важность возрастных норм и ожиданий относительно жизненного сценария, а также их влияния на удовлетворенность жизнью. Однако, начиная с середины двадцатого века, наблюдается тенденция своеобразного расшатывания нормативных жизненных расписаний. В частности, проведенное в Британии сравнительное исследование двух когорт (1958 и 1970 годов рождения) продемонстрировало растущую тенденцию к отклонению от жизненных стандартов у более поздних поколений, что, по мнению авторов, бросает вызов нормативным представлениям о паттернах жизненного пути. Это отражает тот факт, что в условиях уменьшающихся ограничений и увеличивающейся свободы выбора, жизненный путь человека становится все более варибельным и менее унифицированным феноменом. По мнению Э. Гидденса, жизнь современного человека превращается в своего рода уникальный «проект», все больше отклоняясь от стандартов и нормативов [14].

В.Н. Кузьминых отмечает, что в эпоху модерна, через хронологизацию жизни жи-

зненный путь преимущественно приводится к стандартизированному «течению нормальной жизни». В этом случае возрастные нормы и ожидания действуют как регуляторы поведения. В обществе позднего модерна ситуация меняется. «Структурные характеристики жизненного пути в обществе позднего модерна достаточно сложны и противоречивы, поскольку объединяются две противоположные тенденции: стандартизация жизненного пути и его принципиальная открытость [4, с. 41].

Похожую точку зрения высказывает Е.Ю. Мещеркина: «демографические показатели малодетности, внебрачной рождаемости, разводимости, процесс сдвига образования семьи у молодых когорт на более поздние возраста, значимые статистически явления отказа от рождения детей или выбор альтернативных форм сожителства или сознательное одиночество свидетельствуют о структурном сдвиге в сторону индивидуального выбора конфигурации жизненного пути и плюрализации жизненных образцов» [5, с. 64].

Таким образом, существующие исследования убедительно доказывают наличие временных и событийных норм жизненного пути, которые содержат в себе информацию относительно того, какие события, когда и в какой последовательности должны происходить в жизни человека. В то же время нормативные предписания и реальный жизненный путь могут расходиться. В этом случае жизненная траектория приобретает индивидуальный характер. Современные исследователи обозначают этот феномен как «индивидуализацию» жизненного пути.

Феномен «индивидуализации» жизненного пути подробно рассматривается в работах Н.В. Гришиной. Автор отмечает, что «индивидуализация» жизненного сценария проявляется в вариативности таких его характеристик, как количество событий, выделяемых человеком в качестве значимых в своей жизненной истории, содержание этих событий (их тип), оценка (восприятие) собственной жизни как дискретного набора событий или единого событийного ряда, обладающего внутренней взаимосвязанностью. Были выделены факторы, оказывающие влияние на вариативность жизненного сценария или связанные с ней. Так, значимым фактором оказался возраст челове-

ка. Было установлено, что в старших возрастах большое значение начинает придаваться социальным событиям и достижениям, связанным с решением жизненных задач. Значение внутренних событий (переживаний), напротив, с возрастом падает. Кроме этого, начинает уменьшаться общее количество событий, оцениваемых в качестве жизненно значимых, происходит их более жесткая оценка. Выявленные тенденции Н.В. Гришина связывает с тем, что раньше жизненные модели подавляющего большинства людей определялись необходимостью решения задач выживания. Именно это задавало универсальные параметры и нормативность жизненных сценариев. С середины XX в., по свидетельству специалистов, наступает «век избытка», позволяющий проявлять свободу выбора и действий. Как следствие, необходимость в жестко структурированных сценариях, направленных на выживание, постепенно отпадает [3].

Анализ существующих исследований проблемы индивидуализации позволяет выделить четыре основных измерения, существенных для объяснения этого феномена.

1. Существует тенденция к ослаблению роли маркеров взрослости. Это выражается в увеличении временного интервала между значимыми жизненными изменениями.

2. Происходит «совмещение ролей»: люди стали использовать социальные роли и жизненные события, подходящие для совершенно других стадий жизни, чем та, в которой они находятся в данный момент. Например, получение образования может сочетаться с полной трудовой занятостью.

3. Увеличивается обратимость и нестабильность социальных ролей. Примером может служить возвращение в родительский дом взрослых детей, которые однажды уже пробовали начать жить самостоятельной жизнью, а также распространенная в современном обществе практика развода и повторной женитьбы.

4. Происходит размывание содержания и времени принятия социальных ролей и соответствующих жизненных событий. Например, все меньшее количество людей вступают в брак, все меньше времени занимает нахождение в супружеских отношениях [6; 7; 8; 10; 14].

Таким образом, индивидуализация жизненного пути проявляется в изменении времени принятия социальных ролей, несоблюдении социальных норм, увеличении беспорядка в жизненном пути, что приводит ко все большему отклонению от нормативных жизненных расписаний [10].

Обобщая сказанное выше, важно отметить, что на сроки наступления значимых жизненных событий в той или иной степени влияют имеющиеся у человека представления об «идеальном» или «правильном» возрасте для того или иного изменения. Эти представления реализуются в нормативных характеристиках времени и порядка наступления жизненных событий. Однако исследователи также говорят о наличии определенных темпоральных способностей личности, которые также влияют на то, «вовремя» или «невовремя» человек совершает определенные шаги на жизненном пути.

К.А. Абульханова и Т.Н. Березина, основываясь на результатах исследований, приходят к выводу о всеобщих типах личности, которые демонстрируют различное отношение личности к времени жизни и позволяют выявить дополнительные факторы, влияющие на степень нормативности – индивидуации жизненного пути.

Первый тип является опережающим объективным ход своей жизни. Он обладает способностями к актуализации и потенцированию времени. Именно эта глобальная временная особенность дает ему возможность предвидения, рефлексии и планирования. У таких людей настоящее детерминировано прошлым и будущим и осуществляется с предвидением последствий на основе целей и ценностей, имеющих личностный, мировоззренческий, духовный смысл.

Второй тип является запаздывающим. Он характеризуется консерватизмом, который проявляется не просто в привычке к прошлому, но однолинейной цепью детерминации. Для человека такого типа характерны уже сложившиеся социальные роли, не требующие трансформаций. Даже чуть изменившиеся обстоятельства жизни представляют для него неожиданность, угрозу, к которой он не готов. При объективном прерывании ритма, цикла он испытывает состояние диском-

форта – он не приспособлен к неопределенности и к изменениям.

Третий тип является своевременным. У него нет такого временного ресурса, как у первого типа, но он обладает неким внутренним потенциалом благодаря своей соразмерности.

По мнению авторов, потенциально существует и четвертый тип – человек, жизнь которого находится в остановившемся времени, хотя на эмпирическом уровне его существование доказано не было [1].

Таким образом, сроки наступления значимых жизненных событий регулируются не только возрастными нормами и ожиданиями, но и темпоральными особенностями самой личности, которые определяют, насколько легко человек способен ориентироваться во времени собственной жизни и принимать своевременные решения относительно значимых жизненных изменений.

Итак, тайминг, являясь одной из основных проблем теории жизненного пути, включает в себя нормативные характеристики времени наступления ключевых жизненных событий, а также их содержание и порядок реализации на разных этапах жизненного пути. Эти характеристики связаны с социокультурным и историческим своеобразием конкретной эпохи и проявляют характерные для нее традиционные и новаторские тенденции. Возрастные нормы и ожидания относительно жизненных расписаний играют важную роль в построении субъективной картины жизненного пути и в целом влияют на удовлетворенность жизнью. В современную эпоху постмодерна наблюдается все большее расшатывание нормативных жизненных расписаний. Жизненный путь человека становится все более варибельным и менее унифицированным феноменом. Наблюдается тенденция в «индивидуализации» жизненного пути, то есть к отхождению от стандартов жизненных расписаний, привычных для предыдущих поколений. В этом контексте вопрос о том, каково достаточное соотношение между уровнем стандартизации жизненного пути и его открытостью и вариативностью, где проходит граница между «нормативным» и «девиантным» отклонением от возрастных норм и ожиданий, остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-06-00326.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова, К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Бочавер, А. А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. А. Бочавер. – М. : Московский городской психолого-педагогический университет, 2010. – 26 с.
3. Гришина, Н. В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация / Н. В. Гришина // Психологические исследования : электронный научный журнал. – 2011. – № 3 (17). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/0421100116/0029>. – Загл. с экрана.
4. Кузьминых, В. Н. Жизненный путь в контексте эволюции социальной теории / В. Н. Кузьминых // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2008. – № 4 (12). – С. 37–41.
5. Мещеркина, Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий / Е. Ю. Мещеркина // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 61–67.
6. Elder, J. The Emergence and Development of Life Course Theory / J. Elder, H. Glen // Handbook of the Life Course. – N. Y. : Springer, 2003. – P. 3–19.
7. Fallo-Mitchel, L. Changes in the Timing of Female/Family Life-Cycle Events: On-Time vs. Off-Time? / L. Fallo-Mitchel // ETD Collection for Fordham University. Electronic text data. – Mode of access: <http://fordham.bepress.com/dissertations/AAI8020059>. – Title from screen.
8. Goldberg, W. A. Father Time: The Social Clock and the Timing of Fatherhood / W. A. Goldberg. – L. : P. Macmillan, 2014. – 160 p.
9. Jackson, P. B. The Structure of the Life Course: Gender and Racioethnic Variation in the Occurrence and Sequencing of Role Transitions / P. B. Jackson, A. Berkowitz // Advances in Life Course Research. – 2005. – № 9. – P. 55–90.
10. Macmillan, R. The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? / R. Macmillan. – University of Minnesota, Minneapolis, Elsevier, 2005. – 366 p.
11. Morgan, L. A. Aging, Society, and the Life Course / L. A. Morgan, S. R. Kunkel. – N. Y. : Springer, 2011. – 353 p.

12. Neugarten, B. L. The Changing Meanings of Age / B. L. Neugarten, D. A. Neugarten // *Psychology Today*. – 1987. – № 21. – P. 4–29.

13. Peterson, C. C. The Ticking of the Social Clock: Adults' Beliefs About the Timing of Transition Events / Peterson, C.C. // *Int J Aging Hum Dev*. – 1996. – № 42 (3). – P. 189–203.

14. Richard, A. Age Structuring and the Rhythm of the Life Course / A. Richard, Jr. Settersten, J. T. Mortimer, M. J. Shanahan // *Handbook of the Life Course*. – N. Y. : Springer, 2003. – P. 81–98.

15. Rook, K. S. The Timing of Major Life Events: Effects of Departing from the Social Clock / K. S. Rook, R. Catalano, D. Dooley // *American Journal of Community Psychology*. – 1989. – № 17. – P. 233–258.

16. Schlossberg, N. Happiness Relates to Whether You Are «Off-Time», «On-Time», «Out of Time» / N. Schlossberg // *Psychology Today*. – 2011. – № 4. – P. 18–41.

REFERENCES

1. Abulkhanova K.A., Berezina T.N. *Vremya lichnosti i vremya zhizni* [Personal Time and Lifetime]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2001. 304 p.

2. Bochaver A.A. *Metafora kak sposob vnutrenney reprezentatsii zhiznennogo puti lichnosti*. Avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk [Metaphor as a Way of Inner Representation of Person's Life Course. Cand. psychol. sci. abs. diss.]. Moscow, Mosk. gorod. psikhologo-pedagogicheskiy un-tet Publ., 2010. 26 p.

3. Grishina N.V. Zhiznennyye stsennariy: normativnost i individualizatsiya [Life Scenarios: Normalization and Individualization]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2011, no. 3 (17). Available at: <http://psystudy.ru/0421100116/0029>.

4. Kuzminykh V.N. Zhiznennyy put v kontekste evolyutsii sotsialnoy teorii [Life Course in the Context of the Evolution of Social Theory]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni*

N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsialnye nauki, 2008, no. 4 (12), pp. 37–41.

5. Meshcherkina E.Yu. Zhiznennyy put i biografiya: preemstvennost sotsiologicheskikh kategoriy [Life Course and Biography: Succession of Sociological Categories]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2002, no. 7, pp. 61–67.

6. Elder J., Glen H. The Emergence and Development of Life Course Theory. *Handbook of the Life Course*. New York, Springer, 2003, pp. 3–19.

7. Fallo-Mitchel L. Changes in the Timing of Female/Family Life-Cycle Events: on-time vs. off-time? *ETD Collection for Fordham University*. Available at: <http://fordham.bepress.com/dissertations/AAI8020059>.

8. Goldberg W. A. *Father Time: The Social Clock and the Timing of Fatherhood*, London, P. Macmillan, 2014. 160 p.

9. Jackson P. B. The Structure of the Life Course: Gender and Racioethnic Variation in the Occurrence and Sequencing of Role Transitions. *Advances in Life Course Research*, 2005, no. 9, pp. 55–90.

10. Macmillan R. *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated?* University of Minnesota, Minneapolis, Elsevier, 2005. 366 p.

11. Morgan L.A. *Aging, Society, and the Life Course*. New York, Springer, 2011. 353 p.

12. Neugarten B.L. The Changing Meanings of Age. *Psychology Today*, 1987, no. 21, pp. 4–29.

13. Peterson C.C. The Ticking of the Social Clock: Adults' Beliefs About the Timing of Transition Events. *International Journal Aging. Hum. Dev.*, 1996, no. 42(3), pp. 189–203.

14. Richard A. Age Structuring and the Rhythm of the Life Course. *Handbook of the Life Course*. New York, Springer, 2003, pp. 81–98.

15. Rook K.S., Catalano R., Dooley D. The Timing of Major Life Events: Effects of Departing From the Social Clock. *American Journal of Community Psychology*, 1989, no. 17, pp. 233–258.

16. Schlossberg N. Happiness Relates to Whether You Are “Off-Time”, “On-Time”, “Out of Time”. *Psychology Today*, 2011, no. 4, pp. 18–41.

TEMPORAL AND EVENT NORMS OF LIFE COURSE: TIMING

Kurysheva Olga Vasilyevna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Department of Psychology,
Volgograd State University
o.kurysheva@yandex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Zmievskaia Anastasiya Aleksandrovna

Educational Psychologist, MEI “Nursery School no. 368”
nastya-psycholog@mail.ru
Bystrova St., 56, 400059 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents the theoretical analysis of temporal and event norms of life course in the context of foreign approach, called “timing”. Timing includes normative characteristics of the time when key life events occur and their content and order of realization at different stages of life. In the basis of the theory, timing is the assertion that the same life event can have a completely different effect on a person’s life depending on the time when they occurred.

It is proved that following to normative life schedules plays important role in building the subjective image of life course and influences social well-being and satisfaction with life. The modern transformations of the regulatory characteristics of life course inherent in postmodern society are analyzed. They include the diffusion of regulatory trajectories, the variable nature of life schedules, destandardization of life course. In conclusion the phenomenon of individualization of life course is discussed.

Key words: life course, age norms, timing, life schedules, social clock, individualization of life course.

References

1. Elchardus M., Smits W. The persistence of the standardized life cycle. *Time and Society*, 2006, vol. 15, pp. 303-326 (in English).
2. Reber A. *Bol 'shoy tolkovyy psikhologicheskii slovar'*: v 2 t. T. 1 (A-O) (Big defining psychological dictionary: in 2 vol. Vol. 1 {A-O}). Moscow, 2001. 584 p. (in Russian).
3. Morgan L. A., Kunkel S. R. *Aging, Society and the life course*. New York, 2011. 353 p.
4. Busygina N. P. *Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii* (Methodology of qualitative studies at psychology). Moscow, 2013. 304 p. (in Russian).

УДК 159.9.072.432

ВЫЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНЫХ НОРМ С ПОМОЩЬЮ АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ

А. Ю. Чернов, А. А. Змиевская

Чернов Александр Юрьевич - доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, Волгоградский государственный университет, Россия
E-mail: achernov1@yandex.ru

Змиевская Анастасия Александровна - аспирант, кафедра психологии, Волгоградский государственный университет, Россия
E-mail: zmiievskaya.anastasia@gmail.com

Изложены результаты изучения социально-возрастных норм с помощью анализа качественных данных. Дается определение и перечень базовых функций социальных норм. Выборку эмпирического исследования составили представители трёх возрастных групп (по 7 человек в каждой, всего - 21 чел.): ранней взрослости (20-40 лет), средней взрослости (40-60 лет) и поздней взрослости (от 60 лет); метод исследования - полуструктурированное интервью. Предложена схема анализа данных, позволяющая выявлять содержание социально-возрастных норм, в особенности критериев, которые лежат в основе формирования норм. Описан круг основных социально-возрастных норм. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в психологическом консультировании, в том числе при разрешении возрастных и личностных кризисов.

Ключевые слова: социальные нормы, возрастные нормы, возраст, возрастная динамика норм, качественный анализ.

Введение

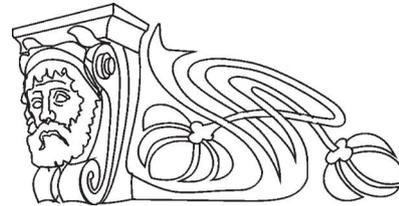
В психологии изучение социальных норм составляет часть обширного предметного поля исследований, связанных с проблемой социального влияния и конформности. Теоретическое разнообразие существующих подходов порождает дискуссии по поводу сущности норм и, следовательно, по поводу их дефиниции. С нашей точки зрения, целесообразно использовать определение норм с акцентом на их интрапсихические свойства; в этом случае они рассматриваются как репрезентации членами группы установок или способов поведения.

Целью данного исследования является анализ социально-возрастных норм, которые понимаются

нами как сконструированные в ходе социального взаимодействия и осознаваемые (осознанные) репрезентации установок, способов поведения, ценностей, присущих специфической возрастной группе, способствующие удовлетворению потребности в самооффективности и социальной эффективности (социального принятия). Для достижения поставленной цели используется интерпретационная схема анализа качественных данных (интервью).

Теоретический анализ проблемы

Нормы возникают в результате социальных обменов, в процессе социального и межличностного взаимодействий, выступают как сила, уравнивающая разнонаправленные векторы индивидуальных поведенческих стратегий. Как продукт социального конструирования нормы являются спонтанным, не планируемым заранее результатом социального взаимодействия. С. Vicchieri характеризует нормы как разновидность социальной «грамматики» [1]. Социальное взаимодействие осуществляется в соответствии с некоторыми правилами. Как и правила грамматики на письме и в речи, социальные нормы устанавливают, что приемлемо и что неприемлемо в обществе или в группе. В этой логике конформность по отношению к какому-то кластеру норм поддерживается побуждениями и мотивами самооффективности. Так же как человек, адекватно использующий грамматические правила, тот, кто использует нормы, наравне с другими участвует в социальном взаимодействии, а значит, переживает позитивные эмоции в связи с удовлетворением потребности в самооффективности. Открытая или латентная репрезентация самооффективности является условием осознанного выбора приверженности норме [2].



Среди базовых функций социальных норм можно обозначить следующие: увеличение уровня социальной стабильности (благополучия) и уменьшение роли случайных факторов; содействие оптимальному функционированию социальной группы (через существование норм честности, лояльности, взаимности и т.п.); альтернатива неформальному влиянию и т.д.

Выборка, методики и методы исследования

Выборку составили представители трёх возрастных групп (по 7 человек в каждой, всего - 21 чел.): ранней взрослости (20-40 лет), средней взрослости (40-60 лет) и поздней взрослости (от 60 лет); метод исследования - полуструктурированное интервью. Респонденты, главным образом, отвечали на вопрос: Какие задачи должен решать человек в данном возрасте (обсуждались три периода взрослости)? Анализ качественных данных проводился по представленной ниже схеме.

Результаты исследования и их обсуждение

В анализе текстов интервью было обнаружено три основных фактора, с позиции которых следует рассматривать нормы: контекстуальный (сфера социальной жизни); осознания наличия альтернатив; выбора нормативных ожиданий или нормативного поведения. Сочетание этих факторов позволяет установить некоторые социально-возрастные нормы.

Контекстуальный фактор (сфера социальной жизни): в интервью, говоря о задачах возраста, респонденты ограничиваются перечислением узкого круга задач в рамках нескольких сфер: работы, семьи, друзей, досуга. На исходный вопрос интервью о задачах, которые человек должен решать в том или ином возрасте, респонденты неизменно начинают называть сферы жизни, в которых эти задачи, по их мнению, могут быть понятны для них сформулированы: «Я так считаю, что первым делом, это получение образования. Затем - устройство на работу, обзаведение семьей» (26 лет, женщина); «Желательно, чтобы человек работал по той специальности, которую он получил» (64 года, женщина); «Друзья должны появиться» (64 года, женщина).

Всего удается идентифицировать несколько сфер жизни, которые называют респонденты: работу, учебу (получение образования), создание семьи, рождение детей, досуг, карьеру, пенсию, хобби, друзей. Одна из возможных интерпретаций этого факта заключается в использовании конструкта «экстрадискурсивные факторы». Респонденты подменяют трудное для них понятие «жизненные задачи» теми аспектами опыта разговорных практик, в которых они легко ориентируются. Под экстрадискурсивны-

ми факторами подразумеваются культурно обусловленные компоненты структуры организации социальной жизни [3].

Фактор осознания наличия альтернатив: в текстах интервью можно обнаружить «следы» перебора респондентами альтернатив. Явно или неявно, говоря о жизненных задачах разных периодов жизни, респонденты упоминают альтернативы, т. е. то, что, по их мнению, является более правильным, общепринятым, «нормальным». Иными словами, они осознанно пользуются «грамматикой норм», совершают выбор между правильным и неправильным «правописанием»: «...он должен получить высшее образование и начать пробовать работать» (30 лет, женщина): подразумевается, что есть альтернатива: получить высшее образование или не получать. Получение высшего образования - правильный выбор; «В 25 желательно родить первого ребенка, по крайней мере, до 30 лет. Поэтому если это произойдет позже определения, то могут быть медицинские какие-нибудь неприятности» (30 лет, женщина): выбор: родить или не родить первого ребенка в 25-30 лет; правильно - родить.

Фактор выбора нормативных ожиданий или нормативного поведения. Очевидно, что выбор осуществляется в соответствии с определёнными критериями. Динамика возрастных норм проявляется в специфической области наиболее очевидных различий между критериями, опираясь на которые, респонденты выводят суждения о том, что нормативно, а что - нет. Таким образом, чтобы отследить искомое содержание и динамику норм, следует выявить связи между критериями, в соответствии с которыми человек определяет важные для себя нормы.

Применяя схему выявления критериев для сравнения двух объектов W. van Naaften [4], можно сказать, что, например, «получить высшее образование» (А) лучше, по мнению респондентов, чем остаться без него (Б), тогда $A > B$. Но $A > B$ не всегда, не «вообще», а только относительно какого-либо критерия (Кр). В случае использования критерия (Кр) А лучше (нормативнее), чем Б, или, более точно, $A > B/Кр$. Тогда Кр становится социально-возрастной нормой. Кр - это нормативный критерий, типичный для специфической сферы жизни (Ф) (Ф - это экстрадискурсивный фактор, например, сфера жизни, пол, возраст и т.п.). При этом необходимо иметь в виду некоторые следствия данного положения:

критерии могут изменяться от возраста к возрасту;

есть центральные и периферические критерии;

человек может (и делает это в интервью) от-рефлексировать критерии; с другой стороны, это задача исследователя, анализирующего тексты интервью;

если брать один и тот же критерий, то $A > B : \Phi$. Тогда это указывает на то, что наиболее типично для специфической сферы жизни (Φ). В этом смысле $\backslash Kp : \Phi$ устанавливает общую специфическую нормативность. $A > B \backslash Kp$ показывает динамику;

можно одновременно использовать два и больше критериев, тогда ($Kp1$ и $Kp2$) : Φ . Между этими критериями можно устанавливать отношения взаимодополнения, иерархии и т. д.;

возрастные изменения норм могут характеризоваться как: а) увеличение количества критериев; б) спецификация, конкретизация критерия (например, уточнение смысла или содержания критериев, используемых в разных возрастах); в) замена одного критерия на другой в одной и той же сфере;

критерии могут быть релевантны или иррелевантны конкретной сфере;

критерии могут «мутировать» или заменяться другими.

Созданную схему можно применить к фрагментам некоторых интервью. Рассмотрим следующий отрывок: «Я так считаю, что первым делом, это получение образования. Затем - устройство на работу, обзаведение семьей, это главная цель для меня. Хотя типичный на современный лад человек, скорее всего, может всё это и отодвинуть подальше. Сначала - работа, развлечения, такое всё. В 20 лет что ещё надо, собственно говоря. Ну а потом уже серьёзно. бытовуха поёрла» (26 лет, женщина). Здесь можно увидеть экстрадискурсивные факторы: респондент в контексте жизненных задач упоминает разные сферы жизни: образовательную, работы, семьи ($\Phi1$ - сфера образования, $\Phi2$ - сфера работы, $\Phi3$ - сфера семьи). В каждой из этих сфер респондент предполагает совершить какое-то действие: «получить образование», «устроиться на работу», «обзавестись семьей», с другой стороны, есть альтернатива - «развлечения». При этом, по мнению респондента, получить образование, устроиться на работу, обзавестись семьей все-таки «серьезней», чем «развлечения» ($A1 > B$; $A2 > B$; $A3 > B$).

В соответствии с используемой для анализа схемой возникает вопрос о критерии, который респондент использует для сравнения «А» и «Б». В данном случае есть два критерия: респондент говорит о том, что «получение образования, устройство на работу, обзаведение семьей» - «это главная цель для меня», т. е. $A1 > B \backslash \text{цель}$; $A2 > B \backslash \text{цель}$; $A3 > B \backslash \text{цель}$. Получить образование, устроиться на работу, обзавестись семьей не просто лучше «развлечения», а потому, что эти действия телеологичны, являются целью (Π), к которой стремится человек, или подразумевают, что их совершение позволит достичь какой-то цели. С другой стороны, есть материальный критерий

- «бытовуха поёрла», т.е. $A1, A2, A3$ «лучше» B , так как помогают справиться с бытовыми, материальными вызовами (M).

Таким образом, формула в целом будет выглядеть следующим образом: $A1 > B$ потому, что A предполагает наличие цели или само является целью (Π) : $\Phi1$ (в сфере образования). Убирая сравнение, можно получить норму: в сфере образования нужно иметь цель. То, что речь идет о возрасте 20-30 лет, делает эту норму возрастной. $A1 > B$ потому, что $A1$ позволяет подготовиться к решению бытовых (материальных) проблем: $\Phi1$ (в сфере образования). Таким образом, нормой будет: чтобы подготовиться к решению бытовых (материальных) проблем, нужно получить образование.

Сходным образом проанализируем другой фрагмент интервью с респондентом старшей возрастной группы: «В 20 лет человек должен закончить школу и думать о дальнейшей своей жизни, значит, надо получать образование, чтобы строить своё будущее. В 23-24 человек уже заканчивает вуз и начинается наработка опыта. пока свежи у человека знания, чтобы он их начал применять и понёс по жизни. Желательно, чтобы человек работал по той специальности, которую он получил. Это как у меня было - хотела после учёбы устроиться в музыкальную школу, но там не было места. Пришлось, чтобы время не терять, устроиться в детский сад» (64 года, женщина).

Экстрадискурсивным фактором (Φ) здесь также является сфера образования. Действия, которые должен совершить человек в этом возрасте, - «закончить школу», «получать образование». Снова можно сказать, что имплицитно присутствует сравнение: A (получать образование) лучше B (остаться необразованным). Говоря о том, почему $A > B$, респондент упоминает следующее: «думать о дальнейшей своей жизни», «строить своё будущее», «начинается наработка опыта», «[знания] начал применять и понёс по жизни», «время не терять». Здесь появляется категория времени. Эти высказывания можно проинтерпретировать как один критерий ($A > B$), потому что есть будущее, есть время впереди, которое нельзя терять и о котором надо заботиться. Условно этот критерий можно назвать «темпоральным». Таким образом, получаем норму: «в возрасте 20-30 лет человек должен заботиться о том, чтобы обеспечить свое будущее».

Сравнивая нормы в сфере образования у респондента 26 лет (первый фрагмент) и у респондента 64 лет (второй фрагмент), можно заметить следующее: в первом случае наблюдается наличие телеологической нормы, она связана с целью и целеполаганием в сфере образования; во втором случае акцент переносится на временной фактор, речь идет о будущем человека, которому «сейчас» 20-30 лет. Это - темпоральная норма.

Таким образом, характеризуя возрастной аспект, или возрастную динамику норм, можно сказать, что: 1) обе нормы релевантны сфере жизни (сфере образования); 2) изменение нормы происходит путем замены одной (телеологической) на другую (темпоральную); 3) изменяется содержание нормы.

Продолжая подобный анализ текстов, можно прийти к определению некоего круга норм:

темпоральные нормы - это репрезентации социально (культурно) одобряемого и принимаемого хронологического порядка наступления жизненных событий. Эти нормы имеют программирующую функцию - они задают порядок действий: время окончания учебы, начала профессиональной деятельности, вступления в брак, рождения первого ребенка и т.д.;

телеологические нормы - это репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых достижений в области образовательного, профессионального (карьерного), семейного статуса. Этим нормам можно приписать терминальную функцию, т.е. они маркируют границу перехода от одного качества социальной ситуации личности к другому (от «бессемейного» к «семейному», от «обучающегося» к «работающему» и т.п.);

норма социальной и личностной идентификации - репрезентация социально (культурно) одобряемых и принимаемых образцов (схем) соотношения социально-психологических и индивидуально личностных свойств со свойствами референтной группы. Здесь проявляется компаративная функция, которая обеспечивает выбор надлежащих с точки зрения группы членства качеств и поведения;

нормы саморазвития - это репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых тенденций личностного роста и самосовершенствования. Они выполняют рефлексивную функцию, позволяющую осознанно планировать наступление жизненных событий и оценивать их с точки зрения проявления субъектности личности;

нормы социальной коммуникации - репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых образцов межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия. Эта норма имеет функцию регуляции социальных отношений;

нормы стиля жизни - репрезентации социально (культурно) одобряемых и разделяемых образцов отношения к жизни, к жизненным событиям в целом. Здесь проявляется стабилизирующая функция норм, способствующая уменьшению влияния на жизненные события случайных факторов;

полорольевые нормы - репрезентации социально (культурно) одобряемых и принимаемых образцов мужского или женского поведения. Они выполняют функцию регуляции социальных отношений.

Заключение

Таким образом, среди разных возрастных групп изменяются не столько содержательные характеристики норм (сами нормы могут и не изменяться), сколько качественно изменяются формы репрезентации норм. Это можно пояснить следующим образом: каждый возраст характеризуется набором норм (нормативной концептуализацией: какие нормы, каких сфер жизни они касаются, какие из них главные, какие на периферии и т.д.). Эта концептуализация содержит результаты нормативных оценок, суждений, которые выносятся на основе нормативных критериев. Следовательно, появление набора норм происходит как бы на двух разных уровнях: 1) содержания норм; 2) выработки критериев для определения и уточнения этого содержания. Изменения в системе норм происходят как изменения в уровне конформности к выработанным и принятым критериям: то, что «правильно», «нормативно» диктуется принятым критерием.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00326).

Библиографический список

1. *Bicchieri C.* The grammar of society : the nature and dynamics of social norms. N.Y., 2006. 260 p.
2. *Янчук В. А.* Концептуальные основания проблемы отклоняющегося поведения : социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива : материалы II Междунар. заочной науч.-практ. конф. Владимир, 2011. С. 35-43.
3. *Willig C.* Discourse analysis and health psychology. Basingstoke, 2004. P. 155-169.
4. *van Haften W.* Conceptual change and paradigm change: What's the difference? // Theory and Psychology. 2007. №17 (1). P. 59-85.

Social Age Norms Detection by Means of Qualitative Data Analysis

Alexander U. Chernov

Volgograd State University
100, Yniversitetskiy ave., Volgograd, 400062, Russia
E-mail: achernov1@yandex.ru

Anastasia A. Zmievskaya

Volgograd State University
100, Yniversitetskiy ave., Volgograd, 400062, Russia
E-mail: zmievskaya.anastasia@gmail.com

The article presents the results of social age norms study by means of qualitative data analysis. The authors suggest definition and the list of basic functions of social norms. Sample group of empirical research were represented by three age groups (7 people in each, total - 21 people.): early adulthood (20-40 years), middle adulthood (40-60 years),

and late adulthood (60 years and older). The method of investigation is a semistructured interview. The researchers provide the scheme of qualitative data analysis allowing to identify the contents of social age norms, and, in particular, to identify the criteria underlying the formation of norms. The results of investigation can be applied in psychological counseling, including the resolution of age and personal crises.

Key words: social norms, age norms, age, age norms dynamics, qualitative analysis.

References

1. Bicchieri C. *The Grammar of society: the nature and dynamics of social norms*. New York, 2006. 260 p. (in English).

2. Yanchuk V. A. *Kontseptual'nye osnovaniya problemy otklonyayushchegosyapovedniya: sotsiokul'turno-interdeterministskaya dialogicheskaya perspektiva* (Conceptual foundations of deviant behavior problem: sociocultural-interdeterministic dialogic perspective). Materialy II Mezhdunarodnoy zaochnoy nauch.-prakt. konf. (Proceedings of II International extramural scientific and practical conference). Vladimir, 2011, pp. 35-43 (in Russian).
3. Willig C. *Discourse analysis and health psychology*. Basingstoke, 2004, pp. 155-169 (in English).
4. van Haaften W. Conceptual change and paradigm change: What's the difference? *Theory and Psychology*, 2007, no. 17 (1), pp. 59-85 (in English).

УДК 159.922.8, 159.923.3, 378

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРЕАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

3. М. Ахметгалеева

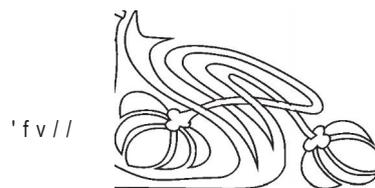
Ахметгалеева Зульфия Мансуровна - кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, Россия
E-mail: zula_a@inbox.ru

Изложены подходы к изучению креативности, связывающие ее с личностными чертами. Предложен список шестнадцати свойств, имеющих отношение к креативности. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на студенческой выборке (N = 93, от 18 до 33 лет; студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств, обучающихся на разных направлениях подготовки), с применением специально разработанного униполярного личностного семантического дифференциала. Установлены взаимосвязи креативности и продуктивности, индивидуализма, открытости новому опыту и настойчивости в представлении студентов вуза культуры и искусств. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в виде программ работы со студентами вуза культуры и искусств по расширению их представления о креативности и ее развитию.

Ключевые слова: креативность, теория личностных черт, имплицитная теория, личностный семантический дифференциал.

Введение

В современном обществе непрерывно возрастает значимость творческого потенциала личности. Зафиксированная в субъективной реальности модель креативности одновременно направляет поведение человека и служит опорой для оценки этого качества у других людей. Понимание того, какие личностные черты связаны в обыденном представлении с креативностью, может дать материал для обогащения научных знаний об этом феномене, а также для составления программ



работы со студентами вуза культуры и искусств по расширению их представления о креативности и ее развитию.

Теоретический анализ проблемы

В настоящее время существует огромное количество теорий креативности, по-разному определяющих этот феномен. Систематизацию концепций креативности можно найти в работах В. Н. Дружинина, Е. П. Ильина [1, 2]. Как правило, выделяется подход к изучению креативности, связывающий ее с личностными чертами (Д. Б. Богоявленской, А. Маслоу, К. Роджерса, М. Чиксентмихайи), о важной роли личностных черт также пишут Т. Амабиле, Т. Любарт, Р. Стернберг [3-7].

Т. Любарт называет шесть черт, которые, опираясь и на теоретические, и на эмпирические исследования, тесно связаны с креативностью: настойчивость, толерантность к неопределенности, открытость новому опыту, индивидуализм, склонность к риску, психотизм [6, с. 45]. В. Н. Дружинин, ссылаясь на А. Олах, называет черты, присущие творческим людям: независимость, открытость ума, высокая толерантность к неопределенности, развитое эстетическое чувство [1, с. 177], также он упоминает уверенность в своих способностях и силу характера, андрогинность, независимость в суждениях, самоуважение, предпочтение сложных задач, развитое чувство прекрасного, склонность к риску, внутреннюю мотивацию, стремление к порядку; ставит под сомнение взгляд гуманистических психологов, согласно которому творческой личности присущи эмоци-

Section 4. Family and Living Psychology

*Kuryshcheva Olga Vasilievna, Volgograd State University,
associate professor, department of psychology
E-mail: o.kuryshcheva@yandex.ru*

*Zmievsckaya Anastasia Aleksandrovna, Volgograd State University,
graduate student, department of psychology
E-mail: zmievsckaya.anastasia@gmail.com*

NORMATIVITY AND DE-STANDERTIZATION OF MAJOR LIFE COURSE EVENTS IN FAMILY LIFE

*Курьшчева Ольга Васильевна,
Волгоградский государственный университет,
доцент, кафедра психологии
E-mail: o.kuryshcheva@yandex.ru*

*Змиевская Анастасия Александровна,
Волгоградский государственный университет,
аспирант, кафедра психологии
E-mail: zmievsckaya.anastasia@gmail.com*

НОРМАТИВНОСТЬ И ДЕСТАНДАРТИЗАЦИЯ ЗНАЧИМЫХ ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ В СЕМЕЙНОЙ СФЕРЕ*

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 14–06–00326*

В современных социальных науках всё большую популярность приобретают исследования жизненного пути с точки зрения его временных аспектов, а именно с точки зрения закономерностей времени наступления ключевых жизненных событий и их последовательности, которые обуславливают нормативные характеристики жизненного пути. В работах западных исследователей существует ёмкое понятие «timing», в рамках которого эта идея находит теоретическую и эмпирическую реализацию¹.

Говоря о нормативном прохождении основных этапов жизненного пути, необходимо отметить работы Б. Ньюгартен. Автор отмечает, что любой взрослый человек имеет определённые ожидания относительно жизненного пути: какие события и в какие сроки должны происходить. Жизненные события, происходящие «вовремя», не вызывают жизненного кризиса. Однако при несвоевременном наступлении события, ожидания относительно «правильного» ритма жизни

¹ Elder J., Glen H. The Emergence and Development of Life Course Theory. Handbook of the Life Course. Springer, 2003. pp. 3–19.

не сбываются. Ранняя потеря родителя, поздний брак, раннее рождение ребёнка, серьёзная болезнь в ранней взрослости — всё это приводит к тому, что традиционное расписание жизни рушится, вызывая социальные и психологические проблемы. Косвенным подтверждением этого является то, что в речи есть устойчивые фразы наподобие «он уже в том возрасте, когда пора...» или, наоборот, «в её годы уже слишком поздно...»¹.

Р. Сеттерстейн и Дж. Хейгестад обнаружили, что, по мнению людей, каждое жизненное событие имеет «дедлайн» — крайний возраст, когда оно обязательно должно произойти. Среди основных жизненных событий были перечислены такие, как уход из родительского дома (оптимальным возрастом для этого женщины назвали 22 года, мужчины — 21 год), брак (женщины — 26 лет, мужчины — 28), рождение первого ребёнка (женщины — 28 лет, мужчины — 29), окончание заботы о ребёнке, выпуск его из «семейного гнезда» (женщины — 39 лет, мужчины — 41 год), появление внуков (женщины — 51 года, мужчины — 52)².

Подобные исследования тайминга жизненного пути весьма популярны в зарубежных социальных науках. Их авторы в большинстве своем приходят к убедительному выводу о том, что представления людей об «идеальном» жизненном пути весьма согласованы. Практически все люди в качестве желаемых и нормативных описывают стандартный набор событий (получение образования, выход на работу, создание семьи, рождение ребёнка и пр.), в достаточно определённой последовательности и с привязкой к конкретному возрасту.

Однако также справедливо и другое утверждение — современные социально-экономические условия жизни оказывают существенное влияние на реальное прохождение этапов жизненного пути. Elchardus и Smits (2004) говорят о том, что представления людей о значимых событиях жизни все сильнее адаптируются к условиям новой реальности³. Всё отчётливее наблюдается явление «дестандартизации» жизненного пути, когда большое количество людей отклоняется от типичного жизненного расписания. И если в сфере профессионального становления есть более или менее очевидные нормативные этапы, поддерживаемые социальными институтами, а также здравым смыслом (необходимость работать, чтобы иметь средства к существованию, выход на пенсию и пр.), то события семейной сферы не имеют столь ярко выраженного эффекта должностования. Современный человек волен выбирать для себя любой образ жизни, с созданием семьи или без, рождением детей или нет — это не только не подлежит контролю со стороны официальных государственных инстанций, но и всё меньше прицеливается обществом⁴.

Эти тенденции получили название «дестандартизация» жизненного пути в противовес его «нормативности». Феномен дестандартизации включает в себя отход от нормативных, установленных образцов жизненных траекторий в сторону поиска уникального, авторского построения собственной жизни.

Одной из сфер, в которой эффект дестандартизации оказывается наиболее заметным, является семейная сфера. Традиционно к основным событиям семейной сферы относят заключение брака и рождение детей. За рубежом всё больше исследователей обращает своё внимание на две «ненормативных» крайности времени наступления этих событий: выход замуж (ранний и поздний) и рождение первого ребёнка (раннее и позднее). Стоит отметить, что большая часть работ по этой проблеме представлена в рамках социологической науки и огра-

¹ Neugarten, B. L. The changing meanings of age. *Psychology Today*, 1987, V. 21. pp. 4–29.

² Morgan, L. A. *Aging, Society, and the Life Course*. New York, Springer, 2011. 353 p.

³ Elchardus M., Smits W. The Persistence of the Standardized Life Cycle. *Time and Society*, 2006, V. 15. pp. 303–326.

⁴ McDonald P., Evans A. Negotiating the Life Course: Changes in individual and family transitions. *Negotiating the Life Course Discussion*. Australian Institute of Family Studies Conference, 2003. – 32 p.

ничивается предоставлением статистических данных. В то же время, несомненную практическую значимость представляет исследование психологических параметров влияния тайминга событий на внутреннюю реальность человека, на восприятие им этих событий, на эффективность осуществления новых социальных ролей на разных этапах жизненного пути и пр. Тем не менее, изучение имеющихся в литературе исследований позволяет получить некоторые выводы по этой проблеме.

S. Martin (2002) посвятил свою работу изучению «поздних» браков и позднего рождения ребёнка. Автор считает, что практика «откладывания» этих значимых жизненных событий на более позднее время стала распространённой реальностью в современном мире. В его работах предпринимается попытка рассмотреть как положительные, так и отрицательные эффекты подобного ненормативного тайминга жизненного пути¹.

Обобщая опыт предыдущих исследований в рамках данной проблемы, S. Martin приводит следующие аргументы в пользу поздних браков:

— в более позднем возрасте люди имеют больше полезных для брака личностных качеств (опыт, спокойствие, умение разрешать трудные ситуации, стрессоустойчивость);

— как правило, официальное оформление отношений откладывается в связи с получением высшего образования, что само по себе считается благотворной почвой для будущего брака;

— есть предположение, что успешность брака (когда он поздний) определяется более длительным поиском партнёра. Люди становятся более избирательными в выборе спутника жизни, что делает будущий брак более стабильным.

— поздний брак положительно коррелирует с финансовой стабильностью и профессиональной удовлетворённостью у женщин — как правило, построение карьеры отнимает время, и вступление в брак откладывается на более поздний возраст². Есть также и негативные последствия позднего брака. Прежде всего, поздний брак чреват для женщины трудностями рождения ребёнка, которые связаны непосредственно с её физическим состоянием.

В отличие от откладывания брака, откладывание рождения ребёнка может привести к куда более ощутимым негативным последствиям, включая угрозу совсем не иметь детей. Однако у позднего родительства есть и преимущества.

Taniguchi (1999) установил, что раннее рождение ребёнка имеет большее негативное влияние на построение женщиной карьеры, поскольку по времени совпадает с началом карьерного пути, являющимся одним из самых трудных профессиональных периодов. Женщины, которые вынуждены сделать перерыв в карьере и уйти в декретный отпуск, существенно теряют в профессиональном становлении и уровне материального дохода, в сравнении с женщинами, у которых всё ещё нет детей. В случае, когда женщина рождает первого ребенка позже, она более развита в профессиональном плане и имеет больше материальных ресурсов, чем молодые матери.

Наличие материальной стабильности у «поздних» родителей, безусловно, благотворительно сказывается на детях. Так, Mage и Tzeng (1989) обнаружили, что такие дети имеют более высокий уровень образования и профессиональный статус, нежели рождённые у молодых родителей. Более того, Nichols-Casebolt и Danziger (1989) установили, что поздние дети гораздо меньше страдают в случае развода родителей. Это обусловлено тем, что любой из родителей может обеспечить себе и ребёнку безбедное существование, что уменьшает стресс³.

¹ Martin S. P. *Delayed Marriage and Childbearing: Implications and Measurement of Diverging Trends in Family Timing*. University of Maryland, College Park, 2002. – 97 p.

² Stephen J., Bradford C. C., Leigh G. K. Age at Marriage, Role Enactment, Role Consensus, and Marital Satisfaction. *Journal of Marriage and the Family*, 1983, V. 45(4). pp. 795–803.

³ Casebolt N., Danziger S. K. The Effect of Childbearing Age on Child Support Awards and Economic Well-Being Among Divorced Mothers. *Journal of Divorce*, 1989, V. 12(4). pp. 35–48.

Не менее важными являются социально-психологические факторы, связанные с возрастом родителей. Реесе (1993) пишет о том, что более старшие родители лучше подготовлены к стрессам, с которыми связан опыт воспитания ребёнка, так как имеют больше социальных контактов и лучше социально адаптированы. С другой стороны, в позднем возрасте родители уже не имеют такого же, как в молодости, количества энергии, а также могут ощущать психологическую дистанцию со своими детьми из-за ощутимой разницы в возрасте¹.

Большинство подобных исследований базируется на исследовании отношений в диадах «мать-ребёнок», «отец-ребёнок», «жена-муж»². В частности, исследования диады «мать-ребёнок» показывают благотворное влияние старшего возраста матери на родительство: женщины старшего возраста спокойнее переносят трудности, связанные с рождением ребёнка, эмоционально более устойчивы (Conger, 1984; Walter, 1986). Mirowski и Ross (2002) обнаружили, что взаимосвязь возраста матери и появления у неё депрессии, связанной с рождением ребёнка, имеет криволинейный характер. Наиболее низок риск развития депрессии у женщин, рожавших первого ребёнка в возрасте примерно 30 лет.

Отношения в диаде «отец-ребёнок» также более благоприятны в более позднем возрасте отца. Соопеу (1993) выяснил, что отцы старшего возраста сильнее вовлечены в воспитание ребёнка. Они склонны больше заниматься с ребёнком, включая его в различные виды деятельности, имеют высокие требования и ожидания и лучше справляются с воспитательными задачами (Heath 1994). Несмотря на то, что в зрелом возрасте отцы уже не столь активны физически в игре с ребёнком, они чаще используют вербальные механизмы для взаимодействия с ним (Neville, Parke, 1997).

Исследования диады «жена-муж» при позднем рождении ребёнка не дают столько однозначных результатов. Helms-Erikson (2001) утверждает, что качество отношений между мужчиной и женщиной, поздно родивших первого ребёнка, существенно улучшаются, особенно если в паре наблюдается нетрадиционное разделение труда. Это связано с тем, что чем старше мужчина, тем больше он склонен помогать жене в ведении домашнего хозяйства (Coltrane 1990). Однако, были получены и другие данные, согласно которым «поздние» родители имеют более низкие показатели самооценки и ощущают себя некомпетентными в сравнении с молодыми людьми, что негативно сказывается на отношениях в диаде «муж-жена» (Cowan, Cowan 1992).

Среди факторов, снижающих благополучие родительства в позднем возрасте, традиционно называют эмоциональную дистанцию между родителем и ребёнком, дефицит энергии и сам факт рождения ребёнка в ненормативном возрасте. Не только матери отмечали наличие эмоциональной дистанции с ребёнком, но и сами дети констатировали недостаток эмоциональной связи, близости с матерью, особенно в период взросления (Daniels, Weingarten, 1982; Yarrow 1991; Frankel, Wise 1982). Однако были обнаружены и противоположные данные. Heuvel (1988) выявил положительное влияние возраста родителя на эмоциональные отношения с взрослым ребёнком. Morris (1988), исследуя детей, рождённых родителями в более позднем возрасте, обнаружил, что они оценивают поздний возраст как более подходящий для роли отца и матери, по сравнению с молодым.

Что касается вопроса о снижении энергичности у родителей старших возрастов, однозначных убедительных ответов на него получено не было. Так, Schlesinger и Schlesinger (1989) в своём исследовании показали, что рождение ребёнка в позднем возрасте требует от родителя чрезвычайно высоких энергетических затрат, что связано с конфликтом социальных ролей и другими проблемами. Однако результаты этого исследования нельзя считать показательными, поскольку в работу не была вовлечена сравнительная контрольная группа.

¹ Morris M. B. Last-Chance Children: Growing Up With Older Parents. New York: Columbia University Press, 1988. – 170 p.

² Parke R. D. Families in Life-Span Perspective: A Multidimensional Developmental Approach. Child Development in Life-Span Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. pp. 159–190.

Yarrow (1991) выявил, что «поздние» дети часто отмечают наличие трудностей в детстве, которые связаны с проблемами здоровья немолодых родителей. Однако количество подобных свидетельств уменьшается с каждой возрастной когортой, поскольку позднее рождение детей всё больше становится обычным явлением, приобретая статус «нормативного»¹.

Если с точки зрения социально-психологических параметров позднее рождение ребёнка является удачным, то биологические показатели позднего возраста родителей скорее негативно сказываются на ребёнке. Медицина на протяжении всего своего существования считает позднее рождение ребёнка значительным фактором риска по отношению к здоровью матери и ребёнка (Feldman, 1927; Bleyer, 1958). Исследования биомедицинских последствий позднего деторождения, в отличие от психологических исследований, многочисленны и широкомасштабны. По сути, можно выделить 2 широких класса негативных последствий позднего рождения: 1) повышенная болезненность матери и ребёнка во время беременности и после родов; 2) повышенный риск летального исхода матери или ребёнка. Однако эти негативные последствия не обязательно напрямую связаны с возрастом матери. Здоровые женщины в средней зрелости, как правило, рожают так же легко, как и более молодые здоровые женщины.

Наконец, важно рассмотреть феномен бездетности как самое тяжёлое последствие отложенной на более поздний возраст беременности. К сожалению, с возрастом появляется всё больше трудностей на пути к родительству (McFalls, 1990). Однако и здесь трудно установить прямую и однозначную связь. Menken и Larsen (1986) в своём исследовании установили, что среди женщин в возрасте 30–35-ти лет, которые впервые решили завести ребёнка, только 15% оказались бездетными, в возрасте 35–40-ка — 30%, наконец, 64% женщин старше 40-ка лет уже не могли иметь ребёнка. Несмотря на эту статистику, авторы всё же делают оптимистичный вывод о том, что, хотя риск оказаться без детей с возрастом, безусловно, растёт, возможность родить хотя бы одного ребёнка всё же существует на протяжении всего детородного возраста².

Не меньший интерес у исследователей вызывает и феномен раннего рождения ребёнка. Особенно это касается родителей-подростков. Было установлено, что более 10% женщин, родивших первого ребёнка до 20-ти лет, находясь в повышенной зоне риска в плане ухудшения психического состояния (National Center for Health Statistics, 2005).

Раннее рождение ребёнка негативно сказывается на дальнейшем развитии человеческих ресурсов. Так, например, молодые родители часто имеют недостаточный уровень образования (Boden, 2009; Deal, Holt, 1998; Hoffman, 1998; Mollborn, 2007). В свою очередь, люди с низким образованием больше подвержены депрессии (Yu, Williams, 1999), а нестабильность в работе у молодых людей связана с ухудшением психического состояния в целом (Ferrie, Shipley, Newman, Stansfeld, Marmot, 2005).

Также раннее рождение ребёнка препятствует развитию социальных ресурсов, например, формированию стабильных отношений с мужем. Матери-подростки при рождении первого ребёнка чаще оказываются незамужними, а в случае замужества чаще разводятся (Kellam, Adams, Brown, Ensminger, 1982; Maynard, 1997; O'Connell, Rogers, 1984). В то же время, исследования показывают, что молодые люди, состоящие в браке, имеют лучшие показатели психического здоровья, нежели одинокие (Simon, 2002). Также выявлено, что совместное проживание оказывает аналогичный эффект на психическое здоровье, что и брак (Horwitz, White, 1998).

Раннее рождение ребёнка может негативно сказаться на развитии личностного контроля (ощущении личностью того, что она способна достигать желаемого результата, контролировать свою

¹ Daniels P., Weingarten K. Sooner or Later: The Timing of Parenthood in Adult Lives. New York: Norton, 1983. – 366 p.

² Martin S. P. Delayed Marriage and Childbearing: Implications and Measurement of Diverging Trends in Family Timing. University of Maryland, College Park, 2002. – 97 p.

жизнь) и стрессоустойчивости. В одном из исследований было установлено, что чем меньше возраст женщины, тем менее выражена интернальность локуса контроля (McLaughlin, Micklin, 1983). Молодые родители в большей степени, чем старшие или не имеющие детей люди, подвержены стрессогенным событиям, таким как завязывание отношений с неблагоприятным партнёром, сексуальные нападения и акты физической агрессии со стороны партнёра, наличие в семье людей, страдающих от алкогольной или наркотической зависимости (Turner, Sorenson, Turner, 2000). Также известно, что молодые родители не в состоянии материально обеспечить свою жизнь и жизнь своего ребёнка (Boden, 2008; Hoffman, Foster, 1997)¹.

Таким образом, время наступления значимого жизненного события в рамках семейной сферы накладывает специфический отпечаток на различные социально-психологические параметры (в зависимости от рассматриваемого события). Нормативность и дестандартизация тайминга событий в семейной сфере связаны с определёнными преимуществами и недостатками, которые на данный момент крайне мало изучены в психологической науке. На наш взгляд, изучение социально-психологических особенностей и последствий ненормативного времени наступления значимых семейных событий, в особенности, таких как создание семьи и рождение первого ребёнка, позволит эффективнее оказывать практическую психологическую помощь людям, находящимся в нестандартной жизненной ситуации.

Список литературы:

1. Casebolt N., Danziger S. K. The Effect of Childbearing Age on Child Support Awards and Economic Well-Being Among Divorced Mothers. *Journal of Divorce*, 1989, V. 12 (4). pp. 35–48.
2. Daniels P., Weingarten K. *Sooner or Later: The Timing of Parenthood in Adult Lives*. New York: Norton, 1983. – 366 p.
3. Elchardus M., Smits W. The Persistence of the Standardized Life Cycle. *Time and Society*, 2006, V. 15. pp. 303–326.
4. Elder J., Glen H. The Emergence and Development of Life Course Theory. *Handbook of the Life Course*. Springer, 2003. pp. 3–19.
5. Falcia C. D., Mortimerb J. T., Noela H. J. Parental Timing and Depressive Symptoms in Early Adulthood. *Advances in Life Course Research*, 2010, V. 15 (1). pp. 1–10.
6. Martin S. P. *Delayed Marriage and Childbearing: Implications and Measurement of Diverging Trends in Family Timing*. University of Maryland, College Park, 2002. – 97 p.
7. McDonald P., Evans A. Negotiating the Life Course: Changes in individual and family transitions. *Negotiating the Life Course Discussion*. Australian Institute of Family Studies Conference, 2003. – 32 p.
8. Morgan, L. A. *Aging, Society, and the Life Course*. New York, Springer, 2011. 353 p.
9. Morris M. B. *Last-Chance Children: Growing Up With Older Parents*. New York: Columbia University Press, 1988. – 170 p.
10. Neugarten, B. L. The changing meanings of age. *Psychology Today*, 1987, V. 21. pp. 4–29.
11. Parke R. D. *Families in Life-Span Perspective: A Multidimensional Developmental Approach*. Child Development in Life-Span Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. pp. 159–190.
12. Stephen J., Bradford C. C., Leigh G. K. Age at Marriage, Role Enactment, Role Consensus, and Marital Satisfaction. *Journal of Marriage and the Family*, 1983, V. 45 (4). pp. 795–803.

¹ Falcia C. D., Mortimerb J. T., Noela H. J. Parental Timing and Depressive Symptoms in Early Adulthood. *Advances in Life Course Research*, 2010, V. 15 (1). pp. 1–10.

Certificate of Achievement

HAS PARTICIPATED SUCCESSFULLY
IN THE 1st INTERNATIONAL CONFERENCE
ON DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE
IN EURASIA,

Zmievszkaya Anastasia

HELD IN VIENNA, AUSTRIA, SEPTEMBER 4th, 2014




Natalia Haas, Managing director

«East West» Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH